

ХОД С КОНЕМ С PARMIGIANI НА СКАЧКАХ WHITE TURF ПЕРЕЖИВАЛА ТАТЬЯНА КУЗНЕЦОВА

white turf — единственное изобретение Санкт-Морица, старейшего в мире зимнего курорта, оставшееся в его единоличном распоряжении

Вдалеке, в узком конце овала обледеневшего озера Санкт-Мориц, сорвалась с места шеренга из 18 лошадей. Десятитысячная толпа, забившая трибуны, сооруженные прямо на льду, разом выдохнула, притихла и спустя пару мгновений разразилась единодушным воплем. Лошади просвистели мимо нас плотно сбитым отрядом. Я разглядела только двух отставших: тонкие бабки, узкие головы, летящие по ветру гривы, раскинутые почти в шпагате ноги и — частью лошадиных тел — крошечные жокеи в мотоциклетных шлемах. За моей спиной крайне благопристойная семья — поджарый папа, предупредительная мама и вышколенный сын-подросток — кричит так, будто всем им рвут зубы без наркоза. «Банковский клерк, — решила я, — поставил больше, чем мог себе позволить, теперь переживает». Лошади, вытянувшись еле различимым пунктиром, секут снежную равнину на дальней стороне озера. Толпа у ограждений подпрыгивает от нетерпения. Поворот, пелотон все ближе, скакуны почти летят — топота не слышно, его глушит снег, финишная прямая, на полкорпуса вырывается четвертый номер, микрофонный голос объявляет победителя: Winterwind, Зимний Ветер. Закончился главный заезд White Turf — уникальных скачек на льду, проводимых в Санкт-Морице с 1907 года.

Эти скачки, проходящие три дня в году (три воскресенья февраля, по шесть заездов каждый день), остались в единоличной собственности Санкт-Морица. Скачки верхом, выездка на легчайших саних (точнее, высоких полозьях с жердочкой для жокея), на лыжах (лыжник-жокей управляет скакуном с помощью широкого куска ткани) — одна из самых экзотических швейцарских забав, ежегодно сгоняющая в Санкт-Мориц толпы любителей лошадей и часов. Заезды (от 1100 м до 2700 м) проскакивают за считанные минуты, антракты между ними длятся по полчаса, так что эти соревнования не столько спорт, сколько исключительно многолюдный и невероятно длительный светский раут open air.

Здесь, в Санкт-Морице, вы можете со спокойной душой выгуливать драгоценные меха, не опасаясь разъяренных зеленых. Соболя, шиншиллы, серебряные чернобурки, даже редкие горностаи дефилируют по главной ледовой аллее между легкими павильонами. Там нескончаемым потоком льются шампанское, всевозможные гроги, пунши, глинтвейны, а для особо зябнувших — многолетние коньяки. Лобстеры и тигровые креветки горят оранжевым светом на ледяных блюдах, прозрачные блинчики шипят на сковородах, повара в колпаках исполинскими ножами пластуют жареные туши. За легкими столиками, разбросанными на снегу между раскидистых пальм (кадки тщательно замаскированы сугробами), утопая в мехах и подушках, полулежат любители скачек, подкрепляя силы перед очередным заездом и сверяя время по своим драгоценным часам.

Мануфактура Parmigiani уже три года партнер White Turf. «И еще три года впереди, — говорит мне Жан-Марк Жако, директор марки Parmigiani. — Мы любим эти скачки, потому что здесь собираются наши люди, такого общества теперь нигде не найдешь. Это настоящие конзсервы». Употребив это совершенно лесковское словцо, Жан-Марк добавляет: «Для нас это не бизнес, это по любви». Он извиняется и уходит — сейчас будут награждать победителей.

Семейство за моей спиной меж тем прыгает, орет и обнимается; похоже, правильно поставили, думаю я. Спустя пять минут вижу их опять — папу, маму, сына — на подмостках, сколоченных тут же на льду, прямо за трибунами, для церемонии награждения. Оказывается, Зимний Ветер — их семейный конек. Президент White Turf Сильвио Мартин Штауб с трудом выдавливает приветливую улыбку в адрес счастливцев: его собственный конь, фаворит заезда Rolling Home, купленный после победы на предыдущих скачках, пришел только третьим. Жан-Марк Жако вручает главе семейства приз, дополняющий выигрыш в 121 тыс. и еще в 121 швейцарский франк: наручные часы Parmigiani Kalpa XL Automatic с белыми силуэтами коней, едва уловимыми на белом же циферблате.

Рядом с владельцами крошка-жокеи с продувной физиономией, заграбастав коробочку с драгоценным трофеем, лучится счастьем. Задиристая брюнетка — личный тренер коня-победителя, требует для себя часы с белым ремешком. Ее ведут в «салон» Gubelin, расположенный тут же на льду, — продуваемый насквозь, нарочито грубо сколоченный павильончик без окон и дверей, с разбросанным на досках пола сеном и прозрачными колоннами витрин, в которых, смущаясь собственным великолепием, бликует драгоценности и часы Parmigiani.

White Turf — единственное изобретение Санкт-Морица, старейшего в мире зимнего курорта, оставшееся в его единоличном распоряжении. На самом деле почти все, что движется и соревнуется зимой, еще в XIX веке съезжалось сюда, к длинному озеру, лежащему в горстях Швейцарских Альп. Здесь в 1880-м первые континентальные керлингисты замахали своими щетками, расчищая путь тяжелым камням. На льду этого озера в 1882 году были проведены первые в Европе соревнования фигуристов. По серпантинной улочке Via Salatrains в 1890-м скатились первые бобслеисты, а 13 лет спустя именно в местных горах им построили специальную трассу. Туристический зимний рай Санкт-Мориц по праву принял зимние Олимпийские игры 1928 года. Но за полтора века интенсивных занятий спортом только один его вид не покинул исторической родины — White Turf.

__Parmigiani,
Tonda 1950

__Parmigiani,
Tonda 1950